

Весной 2013 года читающая Россия отмечает столетие со дня рождения выдающегося русского поэта и прозаика Александра Яковлевича Яшина (настоящая фамилия Попов). Родился А. Яшин 14(27).03.1913 в деревне Блудново Никольского уезда Вологодской губернии, в крестьянской семье. Окончил семилетнюю школу и педагогический техникум в г. Никольске. С 1932 года работал сельским учителем, затем — журналистом. Первый сборник стихотворений “Песни Северу” вышел в Архангельске в 1934 году. В 1935-м Яшин переехал в Москву, где учился в Литературном институте, который окончил в 1941 году. Он приобрёл известность после выхода в свет поэтической книги “Северянка” (1938). На фронт Яшин ушёл добровольцем, был фронтовым корреспондентом и политработником, участвовал в боях. Подвигу Сталинграда посвящена его поэма “Город гнева” (1943). Демобилизовался по состоянию здоровья в 1944 году. В 1940–1950-х годах выпустил несколько сборников стихотворений. За поэму “Алёна Фомина” (1949) ему была присуждена Сталинская премия. Во второй половине 50-х годов в творчестве Яшина наступает перелом. Его рассказы и повести “Рычаги” (1956), “Вологодская свадьба” (1962), “Угощая рябиной” (1965) стали важнейшими вехами на путях развития русской прозы: они были отмечены гражданской смелостью и высокими художественными достоинствами. Исповедальностью и искренностью дышат сборники стихотворений “Совесть” (1961), “Босиком по земле” (1965), “День творчества” (1968). Яшин — один из основателей Вологодской писательской организации, старший товарищ и учитель В. Белова, Н. Рубцова, А. Романова, В. Оботурова и других вологодских литераторов. Умер 11.07.1968 года, похоронен в Москве. Именем Яшина названа улица в Вологде и школа-интернат в г. Никольске, ему поставлены памятники и открыты музеи в г. Никольске и дер. Блудново.

В июне мы отметим 75-летие Василия Александровича Оботурова, который родился 02.06.1938 года в селе Говорово Вологодского района Вологодской области. В. Оботуров — критик, лауреат Всероссийской литературной премии “Звезда полей” и.м. Н. Рубцова (1999), автор монографий об А. Яшине, С. Орлове, С. Викулове, Н. Рубцове, В. Железняке-Белецком, книг о русской литературе второй половины XX века. С 1980-го по 1985 год и с 1990-го по 1993 годы В. Оботуров был ответственным секретарем Вологодской писательской организации. Умер 27.04.2008 года в Вологде.

ВАСИЛИЙ ОБОТУРОВ

СТАНОВЛЕНИЕ

К 100-летию со дня рождения А. Я. Яшина

Примечательна жизнь в литературе Александра Яшина.

К двадцати годам, едва закончив учительский институт (по нынешним меркам два курса педвуза), ещё не имея опытных литературных наставников, он издал свою первую книжку. Он пишет стихи, поэмы, рассказы. Ставши на путь приобщения к книжной культуре и мастерству, Яшин работает много и упорно, активно учится. Его новые стихи и поэмы становятся заметным явлением в литературе конца 30-х годов.

Войну Яшин прошёл, как и многие литераторы, – корреспондентом и политработником, в то же время не оставляя писания стихов. А после войны – широкое признание, Сталинская премия, книги – одна за другой.

Очень велик был риск стать таким, как многие. Но А. Яшин нашёл в себе силы понять цену внешнего успеха. И сам процесс переработки его представлений есть явление литературы подлинной, высокой, драматичной.

Признанный мастер стиха Николай Асеев ещё в самом начале работы молодого Яшина в поэзии отметил его несомненную творческую одарённость. И всё-таки он мог остаться заурядным литератором, чей удел в потомстве – пылиться на полках книгохранилищ да время от времени упоминаться в работах историков литературы. Будущее художника всегда определяют время и склад его личности. Творческая судьба, которую в острейшей борьбе определяет сам писатель, выбирая пути и нормы жизненного и творческого поведения вполне сознательно, – такая судьба всегда особенно поучительна. Зерно драматизма, неизбежно прорастающее в этом случае, даёт живительные всходы. Такова судьба и Александра Яшина.

“Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться”*, – писал в одном из писем Лев Толстой накануне своего сорокалетия. И Александру Яшину, который бесконечно любил великого правдоискателя, пришлось пройти через сомнения и заблуждения, через ошибки и прозрения. Острая неуспокоенность, пробудившаяся в нём в ту пору, определила, по сути, весь последний период его жизни и творчества. Если раньше он, как представлялось, не знал неуверенности в себе, то теперь, кажется, сомнения не оставляют его.

*Не слабым слыву,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?*

К качественному перелому А. Яшин шёл сам, медленно и постепенно нащупывая свою дорогу. “Томлюсь, окружённый пустыми вопросами, конечно, проклятыми, конечно, немодными, давно – бородатými, и всё – переходными”, – снова пишет он в 1966 году в стихотворении, посвящённом К. Г. Паустовскому. Пишет с еле заметной иронией к себе, но, по существу, глубоко серьёзно: в его душе постоянно шла основательная внутренняя работа. Она не мешала ему, однако, быть внимательным к другим людям, и они тянулись к поэту, как на огонёк.

Как создаётся, как воспитывается склад восприятия человека, открытого другим людям? Академик А. А. Ухтомский, физиолог, писал: “...он создаётся большим, чисто физическим насилием над собою, готовностью ломать себя без жалости; затем преданием от других, прежде всего, от простого народа; наконец, детским отношением к миру как к близкому, интимно-любимому, уважаемому собеседнику и другу”; такой тип восприятия “удерживается лишь большим трудом, самодисциплиной, осторожным охранением совести”, но и ценен – “люди льнут” к нему, так как он “оказывается необычайно чутким и отзывчивым к жизни других людей”**.

Как-то удивительно точно эти, в известной мере общие, рассуждения отражают натуру Александра Яшина. Да, стереотип личности общественной, открытой был в нём заложён с детства, закреплён всем укладом жизни “на миру” ещё в родной семье. Но, как часто бывает с деревенскими людьми, остающимися родное без большого ещё жизненного опыта, внешний успех “на городах” они оценивают как духовный рост, а их здоровая основа начинает глохнуть. Годы и жизненные потрясения, которых немало выпало на долю Яшина, помогли ему понять свою ошибку. Тогда-то и произошла переоценка ценностей, и в ломке их складывался тот поэтический характер, который открывает нам лирическая поэзия позднего Яшина.

Думается, по-особому важной для формирования духовного облика Яшина оказалась близость с М. М. Пришвиным (в лице которого, кстати, и А. Ух-

* Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 54. М., 1935. С. 74.

** Ухтомский А. Л. Письма, “Новый мир”, 1973, № 1. С. 263.

томский находит себе единомышленника. Опыт этих двух, кажется, столь разных людей во многом помогает лучше понять своеобразие личности и творчества А. Яшина). Большой жизнелюбец, обладающий глубоким душевным опытом, Михаил Пришвин вошёл в жизнь Александра Яшина в начале 50-х годов. Цикл коротких рассказов “Вместе с Пришвиным” написан поэтом спустя десятилетие, но он даёт ясное представление об их отношениях, которые поначалу были, пожалуй, только внешними. Серьёзных творческих переключек рассказы не обнаруживают; в них, скорее, отразилась та искренняя житейская симпатия, от зерна которой поднялся прочный росточек в душе А. Яшина.

Характерен образ, завершающий эти рассказы-воспоминания: последняя тропинка в жизни Пришвина – в снегу за балконной решеткой, на уровне шестого этажа, – ширится дорогой “в гущу народную, к тем, кто работает на земле и в лесах, и сказки складывает, и песни поёт, и на ком вся земля держится, – к людям, к людям. Бежит и разветвляется на много разных тропинок, таких же бесконечных и не похожих одна на другую”.

“И кажется мне, – заключает Александр Яшин, – что по одной из этих тропинок, уже не по пришвинской, а по своей, иду я сам. И может статься, ещё не поздно, и я расскажу людям обо всём, что увижу и услышу на своей родной стороне...”

“Для любого поэта дороги места, где он родился и вырос, будь это дальневосточные сопки с их пышной растительностью или блеклые тундровые пейзажи в районе Архангельска и Северодвинска. Всю свою жизнь он будет воспевать их, и, что бы ни говорили, ни писали об этих местах другие, для поэта они всегда останутся самыми лучшими, самыми примечательными местами на свете. И это естественно: здесь ему посчастливилось родиться, здесь складывалась его судьба”.

Так Александр Яшин говорил, выступая в Осетии в 1960 году, и мысли его выношены, проверены собственной практикой, начиная ещё с военной поры. И одиночество душит, и болезни подступают, “когда я к отчему порогу две весны подряд не заглянул”, пишет поэт в стихотворении “Ностальгия” (1948).

*Тянет в край, где я родился,
К детству,
В ягодные миштые места,
Где тайга с деревней по соседству
И угар от прелого листа.*

И снова на Алтае в 1954 году:

*Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Всё-таки на селе
Все мои корни...*

Возвращение и стало не только возрождением, но и временем мужественной зрелости, временем больших поэтических открытий, которое осознаётся А. Яшиным как второе рождение. Уже по-новому узнавая привычное (“Дом отцовский – как он был высок, а теперь смотрю: изба-избою!”), поэт задумывается и о себе: “Отчий дом с годами в землю врос, или вырос я за эти годы?” Да, поэт вырос, но это рост нравственный, вызванный не высокомерием, а чуткостью к жизни народной, к народному мироощущению.

К миру, от рождения близкому, родному, поэт подходит уже не с чужими мерками, а с собственными. Уважая самоценный мир своей личности как непрременное условие поэтического, вообще художественного творчества, поэт смог подняться над неизбежной для каждого ограниченностью. В стихотворении “Только на Родине” усилительные местоимения и выражают подобную ограниченность: “Да, только здесь, на севере моем, такие дали и такие зори...”; и уж, конечно, “нет нигде людей такой души, и прямоты, и силы...”. Поэт откровенен – это его умонастроение и душевное чувство, оно ему дорого, он верит в его истинность. Однако остановись он именно тут, мы бы говорили о провинциальной ограниченности, и только. Однако Яшин видит не только себя, но и других людей, а внимание к миру своей души помогает ему понять ближнего верно и создать глубокое по мысли и чувству стихотворение,

найдя точную концовку. В ней единственное – мир одной души – сливается с общим, при этом не растворяясь, а обретая истинное значение:

*Но если б вырос я в другом краю,
То всё неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край другой —
На родину мою.*

Само по себе возвращение к родным истокам, конечно же, не гарантировало Александру Яшину нового качества творческой работы. Но поэт шёл теперь к земле отцов человеком, сызнова многое передумавшим и о своей судьбе, и о жизни своих земляков. Шёл, надеясь здесь обрести себе опору и стремясь быть необходимым, полезным своим землякам. Он знал уже свое предназначенье в этом мире:

*Счастливый дар не на года
Дастся
И не в одолжение,
Не для забав и развлечения,
А навсегда —
Со дня рожденья
Для непрестанного труда.*

И происходит неповторимое, как чудо, приобщение к Отчизне, неповторимое, как чудо, преображение личности художника, неповторимое, как чудо, явление поэзии истинной и совершенной, которой долго суждено волновать беспокойные души людские. А сам писатель, наверное, всей полноты своего огромного счастья испытать так никогда и не смог. Он собирал его по крохам, мучимый сомнениями, никогда не знавший успокоенности, накапливал и в стихах, и в прозе – для нас...

В последние десятилетия своей жизни Александр Яшин особенно часто жил в родных краях. Там, на берегу Юг-реки, вынашивались и писались многие его вещи.

Он вспоминал:

“Как это случилось – я сейчас и сам уже понять не могу. Вдруг представилось, что построить избу в лесу дело нетрудное. Изба ведь из лесу, деревянная, а лес – вот он, строевой, сосна к сосне... Только бы колхоз согласился помочь. А как он может не согласиться: колхоз-то ведь “мой”. Здесь я родился и вырос, и, кроме пользы, от меня никому ничего не было...

Представилось также, что изба эта на высоком берегу мне совершенно необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так, как никогда и нигде мне ещё не писалось. Это будет рабочий домик поэта. Да что поэта – я решил, что именно здесь-то и смогу стать настоящим прозаиком. Давно уже задуман и выношен мною большой роман, – где же его и писать, как не на Бобришном угоре, знакомом и родном мне с детства. Даже названия окрестных деревень здесь милы: Липово, Блудново, Сторожевая, Скочково, Осиново. А пожни какие кругом: Лебяжье, Смиряжиха, Бобриха, Вязовики... Герои мои сами будут приходить ко мне на дом, в гости, – это мои земляки, сверстники, бывшие однокашники: Горчаковы, Коноплёвы, Цыпышевы, Мишеневы, Поповы, Поникаровы, Залесовы...”

От этой земли пришёл Александр Попов-Яшин в литературу, с нею делил свои последние, не всегда отрадные думы...

Теперь писатель открыл себя настоящего и, хотя никогда не порывал с крестьянским корнем, почувствовал его с какой-то особенной значительностью. В рассказе “Угощаю рябиной” по поводу разницы в миропонимании между собой и детьми он пишет:

“Нет, дело не в возрасте. Дело в том, что я был и остаюсь деревенским, а дети мои – городские, и что тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них – любимая родина. И ещё дело в том, что я не просто

выходец из деревни, из хвойной глухомани, — а я есть сын крестьянина, они же и понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Пооди, втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живётся и пишется. Меня касается всё, что делается на этой земле, на которой я не одну тропинку босыми пятками выбил; на полях, которые ещё плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога”.

В эти годы А. Яшин проникается глубочайшим сознанием ответственности писателя перед своей профессией, перед своим народом. Его представления отразились в дневниковых записях и в стихах. 25 апреля 1958 года он писал:

“Чем больше всевозможных развлечений и забав, тем меньше сосредоточенности в себе и меньше творческой работы. У меня разболтанность появилась с приобретением “Москвича”. Сейчас есть автомобиль, фото- и киноаппараты, телевизор, магнитофон, охота, собака, рыбная ловля и прочие увлечения... И нет писателя”.

Работает А. Яшин в своё последнее десятилетие много, напряжённо, но со срывами: недели и месяцы плодотворного труда сменяются длительными перерывами, изнурительными сомнениями. Да и просто-напросто создать обстановку, необходимую для творчества, задача не из легких. А кто не мечтает о часах тишины и досуга, “во время которых вокруг тебя устанавливается понемногу ничем не нарушаемая, своя собственная атмосфера, и в той атмосфере все жизненные явления начинают размещаться так, как они должны быть и суть для тебя...”^{*} В домике на Бобришном угоре надеялся Яшин обрести душевное равновесие, без которого нет плодотворной работы.

21 ноября 1959 года он записывает в дневнике:

“С возрастом к нам приходит потребность большей душевной сосредоточенности, когда для каждого нового стихотворения бывает необходим материал уже многих лет жизни, а не одного-двух дней. Для поэта наступает как бы заново своеобразный переходный возраст со всеми так называемыми *проклятыми вопросами*.”

Писать в это время труднее, но радостней. Острее и глубже становятся чувства, любовь к родной земле и родному языку, острее ощущение причастности к жизни и делам своего народа и ответственности за всё. Хочется быть предельно правдивым, я бы сказал, совестливее и искреннее перед самим собой и перед людьми, как на исповеди”.

Как видим, поиски и сомнения Александра Яшина не оказались напрасными. Они определили его путь, образ жизни, нормы жизненного и творческого поведения.

Позже, 21 июня 1961 года, он писал в дневнике: “Раз поэзия — форма жизнедеятельности, то поэт, прежде всего, должен быть в своем творчестве самим собой, и это определит его форму, его творческое лицо”. К этому времени А. Яшин окончательно сложился как своеобразная личность, как самобытный художник слова, не утративший, однако, способности к развитию. Поэзия для него — не сочинение стихов, напротив, сочинительство вызывает его иронию:

*В дни юности ранней
Отдался я слепо
Профессии странной
И даже нелепой.
Смешное влеченье!
И что за мученья —
Писать сочиненья
До оупленья?*

Не искусство ради искусства занимает Яшина: “Что — счастье? Что — тленье? В чём жизни значенье?” — вот какие вечные проблемы становятся предметом его раздумий и темой его стихов. Вечные вопросы, которые решаются каждым поколением сызнова и всегда остаются нерешенными, требующими ответов. И можно понять трудное признание поэта:

^{*} Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти тт., т. 17. М., Худ. лит. 1965. С. 348.

